

Считается, что самый большой след в истории оставляют революции и другие социальные потрясения. Они меняют уклад жизни и положение людей в обществе. После них вспыхивают войны и начинаются репрессии. Вот уже более двух с половиной тысячелетий справедливо признаётся мудрое изречение китайского философа и мыслителя Конфуция: «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен».

Более ста лет назад в России произошла революция, которую семь десятилетий именовали Великой Октябрьской социалистической. Влияние этого события на ход истории глубоко исследовано, описано вдоль и поперёк, и всё же до сих пор есть что добавить. Ведь можно же рассказать о деталях и подробностях жизни населения в послеоктябрьский период в своём родном крае, к примеру, в станице Гундоровской Области войска Донского, на месте которой возник наш город Донец Ростовской области.

Об этом отрезке времени подробно, с упоминанием малоизвестных фактов рассказывается в одной из глав книги нашего земляка, писателя и краеведа Сергея Сполоха. Читайте!

И грянул набат над Северским Донцом

Окружающая нас природа никак не изменится от потрясений в обществе. Даже самых глубоких. В феврале 1917 года Россия осталась без царя. На смену самодержавному правлению пришло гораздо более демократичное в лице Временного правительства. Донских казаков очень смущала приставка, указывающая на временный характер этого правящего органа. Это как вместо добротного куреня хозяин поначалу строил маленький домишко, и все называли его времяжкой. Но хорошо было известно, что не у всех хватало сил, времени и средств, чтобы потом построить жильё постоянное. Так и оставались времяжки напоминанием о несбывшихся надеждах их обитателей.

Казачьи части, находившиеся на фронте и в тылу, а также население Дона присягнули Временному правительству, надеясь на лучшее и даже поверив сладкоголосым обещаниям. Все ждали перемен. И они наступили. Но вовсе не такие, о которых грезили, и совсем с другими последствиями.

Всё так же нёс свои воды Северский Донец к Дону. За четыре года до революционных событий в России он был шлозован почти в четвёртой части своего течения, а потому стал значительно многоводнее и смирнее. Засушливые места получили вдоволь воды, а по надёжному речному транспортному пути пошли пассажирские и грузовые пароходы.

Так же, как и раньше, менялись времена года и разными красками окрашивался пейзаж вокруг селений у реки, и оттого казалось, что всё и всегда будет по-прежнему. Но ошибались казаки. Следующее после февральской революции потрясение — октябрьский переворот — смело атаманское правление и посягнуло на святая святых — основы казачьего самоуправления и вековые правила землепользования. Равным казаку был объявлен крестьянин из находившихся рядом сельских слобод и даже батрак, наймит, приходивший из соседней Екатеринославской губернии работать к состоятельным казакам на летний сезон или даже на целый год. Чего ещё можно было ждать?

— Да чего угодно, — отвечали в созданном без участия основной массы казаков так называемом местном со-

**Бой на окраине станицы Гундоровской. Апрель 1918 года.
Фото из Большой советской энциклопедии. Третье издание.**

вете рабочих, крестьянских и казачьих депутатов.

На Масленицу в конце зимы 1918 года гуляний в хуторе Швечикове не было. Не стали в такое беспокойное и несильно радостное время вмораживать в лёд традиционное чучело Голодаи Зимчуковны и наблюдать за ним, как оно поведёт себя: то ли заплывёт за границы довольствия юрта целым и невредимым, или же разрушат её ледяные глыбы и переломает всю острыми краями, отправив на дно и показав развитие событий в сторону со страхом ожидаемых голода, холода и невзгод. И так всё было ясно!

С началом весны 1918 года куда смелее, чем раньше, стали разезжать по станичным юртам у Северского Донца обозы с красногвардейскими отрядами, выполнявшими продразвёрстку. Задание на неё составляли так. Брали имущественно-поземельные списки хуторян. Умножали число имевшейся у хлебороба земли под посев зерновых на среднюю урожайность в пудах и от получившейся цифры сначала вычитали посевной запас, а потом по минимуму на прокорм семейства, всего-то по пуду на едока в месяц. Не всегда даже оставляли фуражное зерно для скота. Но как при этом он должен был дотянуть до первого весеннего корма, совсем не задумывались. Незачем

было думать! Не за этим приезжали в хутора! Напротив фамилии каждого земледельца появлялась утверждённая цифра, и её вписывали в заготовленные бланки обязательств. Кто их не подписывал, того объявляли сопротивляющимся элементом и сажали сначала в холодную при бывшем станичном правлении, а потом, если человек продолжал упорствовать, то его отправляли в Луганск.

Оставалось одно — прятать зерно, которое с давних пор на Дону любовно называли хлебом.

Для того чтобы его схоронить, рыли в основном глубокие ямы, но были и другие придумки. Домовитый казак Запрядкин попрятал свой хлеб в больших печах по обжигу извести и камня. Кому теперь понадобится известь для того, чтобы приводить в порядок свои курени, когда до этой весны можно будет и не дожидаться?

Другие казаки надумали забить внутренними слоями зерна верхние перекрытия своих куреней и замазать сверху глиной. В домах от этого становилось даже теплее. А насколько было теплее в душах у домовладельцев от того, что сохранён урожай для себя, а не будет отдан кому-то другому.

Приехавшие в хутор Швечиков продразвёрстчики созвали граждан на собрание и стали призывать отдать хлеб по

продразвёрстке. Обещали, что выдаваемые расписки обязательно отоварят, как только станет легче молодой республике советов, и тогда казаки получат всё, что пожелают: и сельхозорудия, и мануфактуру, и обувь.

Один зубоскал из толпы выкрикнул: — А свистульки привезёте?

Не понявший подвоха зампред совета в тон ему ответил:

— Привезём, всё привезём, и свистульки тоже!

А зубоскал уже сильно ожесточившимся голосом ему ответил:

— В ж... засуньте себе эти свистульки! Сейчас всё вывезете — и ищи свищи вас, как ветра в поле. А расписки, если на что и пригодятся, так это на самокрутки.

Шутника выдернули из толпы и предупредили, чтобы он постоял в сторонке. На всякий случай для окарауливания приставили к нему двух красноармейцев. Больше он не сказал ни слова.

Агитбригада продолжала уговаривать, расписывая ужасы голода в городах и стараясь разбудить у сердобольных казаков чувство сострадания. Когда это не помогло, перешли к угрозам, а потом — сразу к обыскам. Но и это не дало результатов.

Луганский продовольственный комитет решил на крайние меры. По линии Северо-Донецкой железной дороги на усмирении непослушных хуторов был направлен бронепоезд. С его платформ десантировался летучий продовольственный отряд и начал хозяйничать в ближайших хуторах. Для острастки местного населения выстреливали несколько снарядов с большим перелётом, да так, чтобы взрывы были отовсюду видны. В хуторе Таловом два разрыва снарядов пришлось в середине пасущегося обывательского стада крупного рогатого скота и как раз в тот момент, когда туда пришли женщины для того, чтобы подоить коров.

Взбеленились казаки, увидев страшную картину на выпасе, где были ранены осколками с десятков коров, а между ними, опрокинув цибаки с молоком, лежали неподвижно казачка и рядом с нею — девочка-подросток. Струи крови смешивались с сочившимся из цибарок молоком. Всё! Больше терпеть было нельзя!